

Пономарев Д.Е. Римское право без греческой философии: трудный путь к рождению догматического правоведения // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 89-111. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_89

УДК 340.115

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_89

Римское право без греческой философии: трудный путь к рождению догматического правоведения

Дмитрий Евгеньевич Пономарев

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

*Поступила в редакцию 27.11.2023, поступила после рецензирования 02.02.2024,
принята к публикации 07.02.2024*

В статье анализируются особенности рецепции римского права в Европе V–XII вв. Подчеркивается, что и греческая логика, и римское право, будучи неотъемлемыми элементами античного культурного наследия, плохо сочетались с раннехристианскими культурными установками. Поэтому эти области светского знания длительное время находились вне фокуса интеллектуальных изысканий и разработок. Логика, представленная весьма немногочисленными переведенными и прокомментированными греческими сочинениями, не имела статуса полноценной интеллектуальной технологии. А без развернутого логического аппарата римское право могло осваиваться лишь как дошедший со времен Античности литературный массив, то есть крайне скудными средствами, редуцированными, по сути, к средствам риторики и грамматики. В институциональном аспекте такое отношение к праву и способы его интеллектуального освоения дают основание называть рассматриваемый период эпохой «права без юристов». Иначе говоря, вследствие «стигматизации» греческой логики (и рациональности в целом) римское право существовало как некий массив «молчащих» текстов, которые доступные способы осмысления могли раскрыть лишь как литературу, а не систему юридических конструкций. Во время так называемого Ренессанса XII в. произошла радикальная переоценка рациональности как базовой ценности культуры, что выразилось в том числе в «реабилитации» греческой логики. Прежде всего, это коснулось логического учения Аристотеля, ставшего тем интеллектуальным инструментом, который позволил создать основу для продолжающейся до настоящего времени традиции европейского права и правоведения, укорененных в римской юриспруденции. По мнению автора статьи, специфические особенности рецепции римского права в раннесредневековый период истории юридической мысли можно рассматривать как иллюстрацию и

© Пономарев Д.Е., 2024

частный случай общего правила – полноценное восприятие римской (и, возможно, любой) правовой традиции возможно только при условии возведения рациональности в ранг высшей культурной ценности.

Ключевые слова: рецепция римского права, рациональность, логика, юридические конструкции, глоссаторы, Ирнерий, Аристотель, Ренессанс XII в., образование, христианство

Roman Law Without Greek Philosophy: A Hard Way Towards a Beginning of Dogmatic Jurisprudence

Dmitrii E. Ponomarev

Ural State Law University

Yekaterinburg, Russia

E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

Received 27.11.2023, revised 02.02.2024, accepted 07.02.2024

Abstract. The article analyzes the features of the reception of Roman law in Europe from the 5th to the 12th centuries. It is emphasized that both Greek logic and Roman law, as inherent elements of the cultural heritage of Antiquity, did not fit well with the early-Christian cultural basics. Therefore, these areas of secular knowledge had not remained in the focus of intellectual research and development for a long time. Logic, being represented by very few translated and commented Greek works, was not in demand as a meaningful intellectual technology. And without a fully developed logical apparatus, Roman law could only be explored as a set of Antique literature texts, i.e. via very scarce instruments reduced to rhetoric and grammar only. From the institutional point of view, that attitude to law and the methods of its intellectual development give grounds to call the period under consideration the era of “law without lawyers”. In other words, due to “stigmatization” of Greek logic (and rationality in general), Roman law existed as a set of “silent” texts, which available methods of comprehension could only reveal as literature, and not as a system of legal constructions. During the so-called Renaissance of the 12th century, there was a radical re-evaluation of rationality as a basic value of culture, which was manifested, among other things, in the “rehabilitation” of Greek logic. First of all, it affected Aristotle’s logic, which became an intellectual tool that made it possible to create a basis for lasting tradition of European law and legal science, deeply rooted in Roman jurisprudence. It is concluded that the specific features of the reception of Roman law during the early medieval period of the history of legal thought may be regarded as an illustration and particular case of a general rule – full apperception of Roman legal tradition (and probably any legal tradition) is possible only if rationality receives the grade of the highest value of culture.

Keywords: reception of Roman law, rationality, logic, juridical constructions, glossators, Irnerius, Aristotle, Renaissance of the 12th century, education, Christianity

For citation: Ponomarev D.E. Roman Law Without Greek Philosophy: A Hard Way Towards a Beginning of Dogmatic Jurisprudence, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 89-111. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_89

Введение

Феномен рецепции римского права справедливо рассматривается юристами как одно из оснований, конституирующих европейскую континентальную (романо-германскую) традицию права и правоведения (Аннерс 1996; Цвайгерт, Кетц 1998; Давид, Жоффре-Спинози 1999; Леже 2009; Томсинов 2010; Марей 2012; Plessis, Ando, Tuori 2016). Подобные оценки оспариваются, пожалуй, лишь отдельными философами, усматривающими в нем роковую историческую ошибку, под влиянием которой постантичная Европа вместо того, чтобы пойти по свободному пути творческого созидания собственной правовой системы на основе самобытного права германских народов, «гальванизировала» наследие мертвой римской культуры, подчинив этому призраку всю последующую жизнь (Шпенглер 1998: 61-87).

В науке сложилось несколько объяснений рецепции римского права как исторически необходимого, закономерного явления. Традиционным для отечественной мысли является подход, акцентирующий главным образом факторы социально-экономического порядка – усложнение экономических отношений, рост народонаселения, урбанизация Европы и т.п. (Новицкий, Перетерский 1948; Гутнова 1992; Иоффе 2000). Также подчеркиваются объективные достоинства самого римского права как регулятивной системы, качественно превосходящей традиционное национальное право европейских народов (см., напр.: Голубцова 1985: 247; Дживелегов 1998: 16; Спасский 2009: 98).

Эти объяснительные модели могут быть дополнены как минимум двумя планами рассмотрения. Во-первых, социально-политические факторы, к которым относят в первую очередь политическую конкуренцию церкви и светской власти, обусловившую обращение к римскому праву как общей нормативной системе, на основе которой можно разграничить сферы социального регулирования (Берман 1998: 91-123; Кенигсбергер 2001: 182-183). Во-вторых, активно разрабатывается новаторский, перспективный в исследовательском отношении план культурных предпосылок рецепции (Аннерс 1996: 148-153), в рамках которого римское право осмысливается не только как «полезное изобретение» Античности, удачно и своевременно извлеченное из полузабвения для нужд средневековой политики и экономики, но и как особый продукт мысли, своего рода античный интеллектуальный артефакт. Причем важнейшей особенностью этого древнего артефакта было то, что он сам по себе оказался настолько сложно устроенным, что до полного его раскрытия и освоения Европе потребовалось подниматься в интеллектуальном отношении около пяти столетий¹.

Перспективность подобного плана анализа видится в том, что он позволяет соотнести взрывной интерес к изучению, а затем и практическому освоению римского права с многоплановым общекультурным явлением революционного масштаба, которое вслед за Ч. Хаскинсом (Haskins 1955) стали называть Ренессансом XII в. Оно связывается с общим ростом образованности,

¹ Считая от сборников варваризированного римского права конца V – начала VI в. или от кодификации Юстиниана VI в.

возрождением научно-философского дискурса, развитием переводческой деятельности, возникновением и становлением системы университетов и иными духовно-интеллектуальными изменениями, в основании которых лежит возвращение европейской интеллектуальной культуры к античному рационализму (Haskins 1955; Брук 1992; Benson, Constable, Lanham 1999; Swanson 1999; Ле Гофф 2008; Novikoff 2017). В качестве одного из элементов этого общекультурного движения рассматривается и возрождение юриспруденции в виде специализированного и систематического изучения и преподавания римского права (Haskins 1955: 193-223; Bellomo 1995: 52-54; Benson, Constable, Lanham 1999: 299-323, 324-338; Brundage 2008: 75-125; Lesaffer 2009: 235-249; Padoa-Schioppa 2018: 2, 11).

В этой объяснительной модели Европа смогла в полной мере начать осваивать римское право только после коренного изменения своего отношения к другому античному сокровищу – греческой рационалистической философии, возвратив тем самым разуму статус легитимного, а не стигматизированного инструмента познания. В качестве примера обстоятельного разворачивания такого анализа можно привести исследования Г. Бермана (Берман 1998: 135-164). Среди немногих отечественных авторов, предметно артикулирующих связь между развитием правовой мысли в XI–XII вв. и возрождением античного рационализма, выделим Д.Ю. Полдникова, разрабатывающего данный план применительно к учению о договоре (Полдников 2008: 59-78; Полдников 2011: 232-284, 310-326; Полдников 2013: 59-123; Полдников 2016: 141-188).

Вместе с тем данный план позволяет поставить вопросы, значимые для понимания истории интеллектуального освоения римского юридического наследия с момента прекращения на Западе в V в. н.э. оригинальной традиции римского правоведения до Ренессанса XII в. Какие особенности духовно-интеллектуальной культуры постантичной Европы выступали для полноценной рецепции римского права препятствиями, которые удалось преодолеть лишь к XI–XII вв.? В силу каких причин интеллектуального порядка римское право, одна из вершин античной мысли, оставалось свыше 500 лет закрытым и недосыгаемым для сознания постантичного европейского социума? Если считать «бессмысленной басней» (Пухта 1864: 558) случайное и произвольное «воскрешение» римского права светской властью² и исходить из того, что сами источники римского права не были полностью утрачены и, следовательно, не были абсолютно неизвестны, то чего недоставало западноевропейской мысли до XII в. для того, чтобы увидеть в этих текстах не памятники латинского языка и литературы, а источники юридических конструкций римлян? Каким было осмысление римского юридического наследия, если исходить из тех интеллектуальных средств, которыми располагало раннесредневековое знание?

Актуальность этих вопросов в общетеоретическом аспекте видится в

² Н.М. Коркунов также упоминает в ироническом ключе легенду о случайном обнаружении Дигест (Коркунов 1915: 92-93). Интересно, однако, что еще Ш. Монтескье относился к таким сведениям как вполне достоверным (Монтескье 1999: 486).

том, чтобы на конкретном историческом материале выделить и осмыслить культурные условия, которые, с одной стороны, будучи достаточно общими, зачастую ускользают от внимания юристов, с другой – являются абсолютно необходимыми предпосылками для формирования, закрепления в культуре и последующего развития полноценной правовой традиции.

Поставленная задача определяет стратегию анализа. Во-первых, поскольку предмет исследования ограничивается только культурными условиями, необходимо выделить общие идейно-духовные доминанты постантичной европейской культуры, задававшие вектор ее отношения к античному прошлому в целом. Во-вторых, сужая поле исследования, следует проанализировать отношение к римскому праву как части античного наследия, с которым была вынуждена иметь дело новая (во многом иная античной) культура. В-третьих, нужно оценить место, которое при таких условиях занимало юридическое знание в структуре европейской интеллектуальной культуры рассматриваемой эпохи. Иными словами, для ответа на основной вопрос работы необходимо раскрыть постантичное отношение к знанию, римскому праву и знанию о римском праве.

Христианство и античное культурное наследие

Вряд ли нуждается в развернутом обосновании тезис о том, что культурной доминантой, задававшей идейно-духовный облик Западной Европы после падения в V в. Западной Римской империи, стало христианство, поднявшееся до уровня универсальной и фактически единственной «легитимной» системы координат, в которой воспринималось и оценивалось все античное культурное наследие – языческое и потому неприемлемое. А поскольку римское право составляло неотъемлемую часть этого наследия, оно, очевидно, не могло не разделить общее отношение христианства к античной религии, философии, науке, архитектуре, драматургии, прозе, поэзии и пр.

Если представить христианство как систему взглядов, то в центр следует поместить идею, которую в самом общем виде можно назвать этической как по содержанию, так и по интенциональности – направленности на активную трансформацию существующего положения дел, исходя из заданного представления о должном, причем на уровне как человека, так и социума. Важно учитывать монопольный статус этой системы координат, исключавший конкуренцию со стороны иных социальных регуляторов, в особенности тех, которые были укоренены в античном прошлом Европы.

Это во многом определило соответствующее отношение христианства к побежденной античной духовной культуре, что было сформулировано апостолом Павлом: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Ни философия, названная апостолом напрямую, ни литература, риторика и история («пустое обольщение» и «предание человеческое»), ни иные области светского знания³ не могут быть подлинной основой духовно-интеллектуальной жизни настоящего христианина, ею является только вера. При таком понимании все знание, действительное не-

обходимое христианину, исчерпывающим образом содержится в Священном Писании, и после превращения христианства в единственную религию Европы именно эти слова апостола стали идейным фундаментом того, как христианская церковь длительное время воспринимала и оценивала античные культурные достижения. Поэтому и философия, и логика, и история, и грамматика, и риторика, и иные дисциплины и области знания, прежде составлявшие круг античного образования, в эпоху раннего Средневековья (V–XI вв.) подвергались серьезному риску если не полного запрета и последующего исчезновения, то как минимум обеднения и упрощения.

В этой связи в исторической литературе справедливо утверждается: «...чтобы стать окончательно вселенской религией, овладеть не только политическим кормилом, но и сознанием каждого человека, христианство должно было преодолеть уже не языческие культы, но целую культуру огромной эпохи, культуру, сохранявшуюся и в недрах народного сознания, и в высочайших образцах духовной деятельности общества, во всей системе воспитания и образования и в самом образе жизни. То была античная эллинистически-римская культура, в глубинах которой христианство некогда черпало идеи для своих постулатов и которую, возникнув и слегка окрепнув, оно отринуло как порождение враждебного ему языческого мира. Светное мирское знание, которым так гордился эллинский и римский мир, вообще не имело в глазах первоначальных христиан никакой ценности, ибо оно противостояло подлинной, с их точки зрения, мудрости, которую бог мог вложить в души тех, кого он избрал» (Уколова 1989: 147-148).

Об соответствующем отношении авторитетов раннехристианской церкви к античному интеллектуализму можно судить, например, по страстным и обличительным риторическим вопросам Тертуллиана – ярчайшего христианского автора II–III вв., который, по некоторым сведениям, получил юридическое образование и, возможно, даже был адвокатом. Тертуллиан вопрошал: «Что есть похожего между философом и христианином, учеником Греции и учеником неба, стяжателем славы и стяжателем жизни?» (Тертуллиан 2005: 183). Особенно резких оценок удостоивается греческая философия – «материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. <...> Жалкий Аристотель! Он сочинил для них диалектику – искусство строить и разрушать, притворную в суждениях, изворотливую в посылках, недалекую в доказательствах, деятельную в пререканиях, тягостную даже для самой себя, трактующую обо всем, но так ничего и не выясняющую. Отсюда их нескончаемые рассказы и родословия, и бесплодные вопросы, и словеса, ползучие, как рак. <...> Что Афины – Иерусалиму? Что Академия – Церкви? <...> Господа должно искать в простоте сердца... Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим» (Тертуллиан 1994: 109)⁴.

³ Говоря о стихиях мира, апостол Павел, очевидно, имеет в виду античный натурфилософский элементаризм, наподобие учения Эмпедокла о стихиях.

⁴ Принципиальная несовместимость христианства и светского знания декларировалась и в XI столетии, например, Петром Дамиани: «Замышляя навести на

Раннехристианский писатель IV–V вв. Иероним Стридонский, переводчик Ветхого Завета на латынь, в одном из писем признавал личным грехом то, что, став ревностным христианином, не нашел в себе сил избавиться от своей античной библиотеки и «намеревался читать Туллия (Цицерона. – Д.П.) и держал в руках Плавта», тем самым внутренне оставаясь «цицеронианином, а не христианином» (Иероним 1893: 131-132). Для юристов особенно символичным является тот факт, что именно «Письма» Иеронима были тем христианским сочинением, ради распространения которого с исходного пергамента были варварски стерты Институции Гая, в результате чего полнота этого правового памятника оказалась утраченной навсегда.

Позднее с подобных позиций осуждению подвергались даже такие, казалось бы, безразличные религии светские дисциплины, как грамматика. Так, папа Григорий I Великий (VI–VII вв.), порицая одного из епископов за занятия «вздорными светскими науками», писал: «... дошло до нас, и о чем мы не можем вспомнить без стыда, а именно, что ты обучаешь кого-то грамматике. Известие об этом поступке, к которому мы чувствуем великое презрение, произвело на нас впечатление очень тяжелое... одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вместе с хвалами Юпитеру» (цит. по: Стасюлевич 2001: 270)⁵.

Такая оценка, очевидно, вполне приложима и к иным светским интеллектуальным занятиям и дисциплинам. Поэтому неудивительно, что VI столетие в восточной части бывшей Римской империи ознаменовалось созданием свода Юстиниана, над которым трудились профессора права, стремившиеся «возродить в едином созвучии римские узаконения, накапливавшиеся от эпохи основания Рима», в то время как в западной части империи «изучение благородных наук пришло в упадок, вернее сказать, пресеклось», так что «угасло у нас усердие к наукам и не найти в народе такого человека, который на страницах своей летописи поведал бы о делах наших дней» (Григорий Турский 1987: 5).

Вместе с тем многие западные христианские интеллектуалы понимали, что полного разрыва с античной культурной традицией все же необходимо избегать, поскольку в ее наследии содержится много ценного, что может быть обращено на пользу христианской культуре. Например, еще в IV в. принявший христианство римский ритор Лактанций в трактате «Божественные установления», порицая сам себя за прежние занятия «порочной» риторикой, тем не менее призывал извлечь из сочинений античных авторов все то, что, не будучи напрямую языческим, носит универсальный характер и поэтому может быть имплементировано в ткань новой культуры. В этой связи автор признает, что «нам весьма полезен и тот опыт выдуманных споров (имеются в виду такие дисциплины, как логика, философия и риторика. – Д.П.), чтобы теперь, используя ораторское богатство и умение, мы раскрыли основание истины (христианское вероучение. – Д.П.).

нас полчища всяческих пороков, он (дьявол. – Д.П.) поставил жажду знания как бы предводителем войска, и таким образом, через нее, двинул на несчастный мир отряды всевозможных нечестий» (цит. по: Жильсон 2011: 10-11).

⁵ О позиции Григория Великого, основанной на отторжении «нищеты мирских знаний», см.: (Уколова 1989: 181-186).

И пусть истина могла быть утверждена без помощи красноречия, поскольку защищена она многими средствами, однако ее следует дополнительно осветить блеском и изяществом слога, и, в известной мере, нужно говорить велеречиво, чтобы она увереннее проникала в души как собственной силой вооруженная, так и в изящные фразы облаченная» (Лактанций 2007: 34).

В условиях такого, в целом негативного, хотя и разнонаправленного, отношения христианства к античному наследию в активном интеллектуальном обращении сохранились лишь некоторые диалоги Платона и небольшая часть логических трактатов, входивших в «Органон» Аристотеля, а именно «Категории» и «Об истолковании». Массив этих сочинений Аристотеля и некоторые комментарии к ним, в первую очередь комментарии неоплатоника Порфирия (III–IV вв.) к «Категориям» и комментарий Боэция (V–VI вв.) на комментарии Порфирия, получил последующее название *logica vetus* («древняя логика») (Попов, Стяжкин 1974: 185, 199; Майоров 2009: 251)⁶. Во многом именно благодаря Боэцию греческая логика (под названием «диалектика»), пусть и в очень упрощенном виде, закрепились в структуре средневекового образования, войдя в стандартный корпус семи свободных искусств, состоявших из «дисциплин слова» (тривиум: грамматика, риторика, диалектика) и «дисциплин числа» (квадривиум: арифметика, геометрия, астрономия, музыка/гармония) (Исидор Севильский 2006: 7)⁷.

«Стигматизация» римского права

Что касается римского права как части отвергаемого античного наследия, то его положение, по-видимому, отягощалось еще и тем, что по отношению к христианству оно выступало своего рода конкурирующей социорегулятивной системой, глубоко укорененной в сложившихся социальных отношениях и институтах. Поэтому неудивительны слова того же Лактанция, который, специально противопоставляя нормы христианской религиозной этики и светского римского права, подчеркивает посюсторонний и потому подчиненный, второстепенный статус последнего: «И если образованные люди и ревнители справедливости создали установления гражданского права, с помощью которых устраняются разногласия и тяжбы спорящих между собой граждан, то не будет ли лучше и правильнее, если мы изложим в сочинении своем божественные установления, в которых мы

⁶ Относительно логических сочинений Боэция следует сказать, что его интеллектуальный (переводы и комментирование Аристотеля) и жизненный (был казнен по заведомо ложному доносу) подвиг неоченим. Именно Боэций, переведя в VI в. с греческого языка на латынь и прокомментировав два указанных трактата Аристотеля, тем самым фактически сохранил для европейской культуры эту часть его логического учения. Вплоть до XII в. европейские интеллектуалы были знакомы с логикой Аристотеля по тем сочинениям, которые вошли в состав *logica vetus* (Попович 1979: 118).

⁷ Считается, что средневековую систему семи свободных искусств в завершеном виде сформулировал на основе античной образовательной традиции философ V в. Марциан Капелла в сочинении «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (Капелла 2019: 6-51).

будем говорить не об охране кровельного желоба или воды, или о повреждении, нанесенном рукой, но об уповании, о жизни, о спасении, о бессмертии, о Боге, чтобы устранить тлетворные суеверия и постыднейшие заблуждения?» (Лактанций 2007: 35). Автор, на наш взгляд, явно дает понять, что римское право, названное здесь через иски о защите прав из сервитутов – «охрана кровельного желоба или воды» (см., напр.: *Iust. Inst.* 2.3.1, *Iust. Inst.* 2.3.4, D. 8.1), и иски из закона Аквилы – «о повреждении, нанесенном рукой» (см., напр.: *Gai Inst.* 3.210-3.225, D. 9.2), для христианина должно быть предметом если не полного отрицания, то как минимум пренебрежения, ибо ему намного важнее разделять основы веры, нежели заботиться о таких приземленных и суетных в сравнении с ней предметах, как сервитуты⁸.

Такое отношение, декларируемое ранними церковными авторитетами, в совокупности с отмеченным выше сложным отношением церкви к светскому знанию вообще, закономерно отражалось на том, какое место римское право заняло в системе интеллектуальных занятий раннего Средневековья. Соответствующее положение, которое сложилось в данную эпоху в области юридического образования, в зарубежной литературе оценивается как «эпоха без юристов» (Bellomo 1995: 34-54) или «право без юристов» (Brundage 2008: 46-74).

Для расстановки акцентов в последующем обсуждении имеет смысл опереться на идею С.С. Алексеева о том, что сама по себе юридическая норма (правило поведения) является лишь формой внешнего выражения «изделий юридической мысли» – юридических конструкций, без осознания и осмысления которых юридический текст, содержащий правовые нормы, остается не более чем просто текстом, то есть единицей литературы, а не права (Алексеев 2000: 37-40; Алексеев 2001а: 277-282; Алексеев 2001b: 38-41; Алексеев 2001с).

Принимая такое различие, можно утверждать, что с момента прекращения полноценной традиции римского правоведения (условно в V в.) и до Ренессанса XII в. в Западной Европе римское право существовало, скорее, не в виде полноценных юридических конструкций, а как светская литература, «растворенная» в свободных искусствах, которые составляли систему светского знания и образования.

Важно подчеркнуть, что качество самих текстов было чрезвычайно низким. Соответствующую оценку, например, Бревиария Алариха⁹, который был основным текстом римского права в Западной Европе в период раннего

⁸ Примечательно, что христианин Лактанций воспроизводит здесь пафос и даже стиль язычника Цицерона, который, упрекая римских юристов в уклонении от перестройки римского права по принципам, заимствованным из греческой философии, и стремясь подчеркнуть их приземленную озабоченность мелочными в сравнении с этой сверхзадачей вопросами, пренебрежительно говорил о составлении ими «книжечек насчет падения капель дождя и общих стен», то есть о сервитутах (Цицерон 1966: 93). Очевидно, что признание Лактанция «христианским Цицероном» вполне справедливо (Лактанций 2007: 6).

⁹ Бревиарий Алариха – свод римских законов, составленный вестготским королем в 506 г., то есть примерно за 30 лет до грандиозной кодификации Юстиниана.

Средневековья, дает П.Г. Виноградов. Несмотря на структурное сходство с византийским сводом (институции – сочинения юристов – акты императоров), содержание Бревиария в сравнении с ним крайне примитивизировано: это касается и вошедших в вестготскую кодификацию упрощенных Институций Гая, и части, содержащей труды юристов, откуда взяты лишь краткие извлечения из сочинений Павла и случайный текст Папиниана. Более поздние варварские компиляции римского права в отношении своего качества отстают от классической традиции еще дальше (Виноградов 2010: 186-203).

Что касается институциональных структур юридического образования, то в западной части Римской империи в этом отношении оно оставалось в значительной степени неоднородным, как и во времена единого Рима. Известно, что в крупнейших городах империи существовали специализированные государственные (Константинополь, Бейрут) и частные (Рим) юридические школы, которые на Западе не исчезли полностью даже после варварского завоевания. Как утверждает Ф.К. фон Савиньи, общий социально-политический и социально-экономический кризис действительно стал причиной резкого упадка юридического образования на Западе, но такая оценка справедлива только в отношении специализированных юридических школ. Рядовые школы общего плана, ставшие основой европейского образования того времени, сохранили преподавание римского права в прежнем виде и на прежнем уровне. Однако здесь предельно важно зафиксировать, что римское право преподавалось отнюдь не как единственный, основной предмет, которому посвящалось бы все обучение целиком, а лишь в общей структуре тривиума и квадривиума (Savigny 1829: 441). В подтверждение данного тезиса немецкий правовед приводит биографические сведения о таких выдающихся исторических личностях раннесредневековой эпохи, как епископ Клермонтский Бонит (Франция, VII–VIII вв.), епископ Шерборна Альдельм (Англия, VII–VIII вв.), советник Карла Великого Алкуин (Франция, VIII–IX вв.). Из этих сведений видно, что в структуре их образования было римское право, которое преподавалось и изучалось не обособленно, а в одном ряду с такими дисциплинами, как, например, музыка и поэзия. После фундаментальных исследований Савиньи эти выводы нашли дополнительное фактологическое подтверждение в работах других немецких правоведов¹⁰.

Неспециализированный статус юридического знания подтверждается также результатами классической работы Г. Рэшдэлла по истории средневековых европейских университетов (Rashdall 1895). Исследуя состояние системы европейского юридического образования, предшествующее формированию университетских корпораций, автор констатирует, в частности, что преподаваемая в городских школах Ломбардии (Северная Италия) риторика, традиционно входившая в структуру семи свободных искусств, подразделялась на три вида: доказательная, дискуссионная, судебная. При этом последняя предполагала овладение текстами римских юридических источников.

Примечательно также, что изображенная в основополагающем для системы раннесредневекового светского образования сочинении Марциана

¹⁰ Более подробно см.: (Сокольский 1891: 316-318).

Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» «значительная женщина» (дисциплина) Риторика, о которой «ходила молва, что она подчинила себе сенат, форум и суды в Ромуловом племени, а в Афинах вертела по своему усмотрению и курией, и гимназиями, и театрами», раскрывая собственную значимость, демонстрирует свои возможности именно на материале римских юридических практик (состязательное судопроизводство, толкование законов, составление юридических документов и т.п.) (Капелла 2019: 174-220).

Кроме того, как отмечает Г. Рэшдэлл, в школах Болоньи, до создания знаменитого университета, в рамках курса грамматики преподавался предмет, который именовался *dictamen*, то есть «искусство сочинения» в стихах и прозе. При этом прозаическая часть включала обучение умению правильно составлять в том числе и юридические документы (договоры, завещания и пр.) (Rashdall 1895: 89-111).

Более отчетливое представление о таком условно «риторическом» типе юридического дискурса можно составить, исходя из педагогического сочинения «Диалог мудрейшего короля Карла и Альбина, учителя, о риторике и добродетелях», написанного Алкуином в VIII в. В этом явно вымышленном диалоге автор наставляет короля в искусстве риторики, убеждая, что она является важнейшим интеллектуальным средством политической деятельности. Существо риторики здесь фактически заключается в разработке интеллектуальных техник убеждения в споре, актуализируемых в «торжественном, совещательном и судебном красноречии». Раскрывая «судебное красноречие», автор отмечает такие структурно-композиционные элементы, как лицо (кто сделал?), поступок (что сделал?), место (где сделано?), способ действия (как это могло случиться?) и т.п. Выделяются также «положения спора» – логические и юридические; применительно к последним обсуждаются такие «юридические» вопросы, как, например, идет ли спор о смысле закона или о букве? В качестве иллюстрации приводится следующий вымышленный правовой спор: «Например, закон гласит: “Бросившие корабль во время бури теряют все, а кто останется на корабле, тем будет принадлежать и груз, и корабль”. Двое плыли по морю: одному принадлежал корабль, другому – груз; в море они выбрали из жалости потерпевшего кораблекрушение. Потом и сами попали в сильную бурю. Владелец корабля, он же кормчий, перебрался в привязанный к кораблю челнок и оттуда помогал как мог; владелец товара там же на корабле бросился на меч; а спасенный встал к рулю и повел корабль. Буря утихла, корабль пришел в гавань, бросившийся на меч отделался легкой раной и быстро выздоровел, и вот каждый из трех объявляет своим корабль с грузом, ссылаясь на писанный закон. Так рождается спор о букве закона: “чей корабль?”, а решается он определением: “Что значит “покинуть корабль”, и что значит “остаться на корабле”» (Алкуин 2017: 549)¹¹. Здесь для автора вполне очевидно, что подобные юридические вопросы могут и должны решаться только посредством того интеллектуального инструментария, который предоставляет риторика, причем в традиции, восходящей к римским истокам (Цицерон, Квинтилиан и др.).

¹¹ Также см.: (Преображенский 1881: 87-91).

Из изложенного можно заключить, что с момента краха Западной Римской империи до Ренессанса XII в. изучение римского права на Западе распределялось в основном между несколькими дисциплинами из числа «дисциплин слова», а само римское юридическое наследие было скорее редуцировано до литературно-текстового материала для отработки логических, риторических и литературных навыков учащихся, нежели являлось специализированным предметом профессионального изучения и образования. Поэтому в каком-то смысле можно говорить, что в этот период римское право было общим достоянием образованных людей, интеллектуалов в целом, а не юристов. Например, франкский историк VI в. Григорий Турский, подчеркивая высокую образованность одного из персонажей своего сочинения «История франков», говорит, что тот «занимался словесностью и получил, таким образом, хорошее образование. А именно, он достаточно хорошо знал произведения Вергилия, свод законов Феодосия и искусство счета» (Григорий Турский 1987: 108). Испанский богослов Исидор Севильский в своем главном труде «Этимологии, или Начала» в 20 книгах, который в VII в. стал, по сути, первой энциклопедией раннесредневекового знания, отвел римскому праву отдельную (пятую) книгу. Но мы сможем лучше понять и полнее оценить отношение этого выдающегося европейского интеллектуала к праву, если учтем, что, например, четвертая книга его сочинения озаглавлена «О медицине», одиннадцатая называется «О людях и чудовищах», шестнадцатая – «О камнях и металлах», девятнадцатая – «О кораблях, зданиях и одеяниях».

Соответственно, некоторые авторы вообще высказывают сомнение относительно существования в эту эпоху «профессии юриста» в близком нам значении данного слова (Brundage 2008: 31). М. Белломо, характеризуя мышление, например, анонимных составителей компиляций и бревиариев римского права VI–VIII вв., отмечает: «Если в Западной Европе и были “юристы”, то их умения не выходили за рамки простого умения читать и понимать прочитанное. Они не утруждали себя ни усилиями по исключению из составляемых антологий тех текстов, которых они не понимали, ни размышлениями над теми текстами, с которыми они работали, ни сомнениями по поводу того, могла ли такая антология вообще стать “правом”. Им даже не приходила в голову мысль о том, получит ли их труд высокую оценку современников, потому что они прекрасно знали, что большинство этих современников было людьми невежественными, неграмотными, терзаемыми голодом и холодом, угнетенными насилием и эпидемиями» (Bellomo 1995: 36).

В свете изложенного совершенно закономерным и особенно значимым представляется один из немногих известных нам фактов биографии Ирнерия (XI–XII вв.), который считается основателем Болонской школы глоссаторов, положивших начало формированию традиции догматического правоведения. Как сообщает более поздний глоссатор Одофред (XIII в.), Ирнерий изначально был магистром свободных искусств (*magister in artibus*), то есть прошел только стандартную для того времени грамматическую, диалектическую и риторическую подготовку (Rashdall 1895: 114). Поэтому, при всей парадоксальности этого обстоятельства, следует признать, что у истоков традиции юридической догматики стоял вовсе не «юрист по образованию», а, как мы бы сейчас сказа-

ли, специалист в области изящной словесности, «юрист-самоучка».

Подобные особенности институциональных форм изучения римского права до Ренессанса XII в. во многом предопределяли методологические основания, способы и, соответственно, результаты его осмысления. Особое значение приобретает тот факт, что инструментарий, которым располагали интеллектуалы, ограничивался, как указано выше, «древней логикой», а не всем корпусом логических сочинений Аристотеля. Более того, несмотря на усилия Боэция и других авторов, стремившихся сохранить античное культурное наследие, историки логики оценивают степень освоения логики Аристотеля в эту эпоху как чрезвычайно низкую, признавая, например, что силлогизм как способ рассуждения начал использоваться лишь в IX в. в сочинениях философа и богослова Иоанна Скота Эриугены, а статус стандартной мыслительной техники силлогистика Аристотеля приобрела намного позже. Отмечается, что в целом труды Боэция по сохранению греческой логической традиции начали давать свои плоды лишь к XI в. (Gabbay, Woods 2008: 20). Для большинства ученых (scholars) логика была не более чем диалектикой, которую можно было обнаружить в литературном наследии христианского Рима (Kneale, Kneale 1962: 199). Неудивительно поэтому, что в труде Капеллы, который являлся базовым европейским учебником по тривиуму и квадривиуму на протяжении столетий, среди дисциплин тривиума именно диалектике (логике) отведен наименьший объем.

Таким образом, сама институциональная форма, в которой находилось знание о римском праве в Западной Европе V–XII вв., допускала осмысление его лишь весьма скудными средствами, которые предлагались системой общего (неспециализированного) образования, сводимой к семи свободным искусствам. Основными, если не единственными, «поставщиками» способов понимания текстов римского права были риторика, диалектика (логика) и грамматика, сами являвшиеся предельно упрощенными и сокращенными версиями исходных античных учений.

Эти соображения общего характера можно проиллюстрировать обращением к непосредственному интеллектуальному продукту юридического мышления рассматриваемой эпохи – глоссам основателя одноименной школы Ирнерия. На наш взгляд, вполне допустимо полагать, что, при всем безусловном новаторстве по сравнению с предшествующим способом изучения римского права (систематичность и монопредметность преподавания, обращение именно к Дигестам, а не к разного рода бревиариям и т.п.), реализованный Ирнерием методологический подход в целом не может не воспроизводить современную ему традицию осмысления римского права теми средствами, которые могла предоставить система образования, основанная на тривиуме и квадривиуме¹². Соответственно, по глоссам Ирнерия

¹²К схожим выводам о том, что «глоссаторы унаследовали свои научные приемы от школ самого начала средних веков, от того раннего периода, когда не составлены были еще Юстиниановы сборники» приходит в конце XIX в. В.В. Сокольский. Он считает возможным отнести подход глоссаторов и их предшественников напрямую к тем стандартным методам толкования, которые существовали в практиках юристов времен Юстиниана (Сокольский 1891: 287).

можно представить и то, как осмысливалось римское право его предшественниками.

Рассмотрим исходный текст – «О законном решении...» (D. 42.1.51.1): «Если кто не допустит, чтобы кредитор вступил во владение вещью ради ее сохранения, то если продавец (этой вещи) предоставит кредитору гарантии в такой сумме, за которую он приобрел (вещь), то спрашивается, освобождается ли в этом случае должник?»

Безусловно, для автора, известнейшего и авторитетнейшего римского юриста Павла (II–III вв.), который вошел в число пяти великих юристов, упомянутых в «Законе о цитировании» 426 г., сочинения которого составляют шестую часть Дигест (Бартошек 1989: 341), никаких сложностей в понимании содержания не было и быть не могло. Для него и других римских юристов в тексте выражена разработанная римской правовой традицией полноценная юридическая конструкция. Более того, эта отдельная конструкция была увязана с иными конструкциями римского права и в этом смысле «сворачивала» в себе всю систему так же, как одна деталь механизма в особенностях своей конфигурации «сворачивает» в себе весь объемлющий ее механизм. Отсюда предельная лаконичность, «скупость», свернутость и схематичность изложения, а также пропуск и умолчание о неявных (ввиду самоочевидности для автора) и предполагаемых элементах «гипотезы и диспозиции» сформулированного в тексте правила.

Глосса же Ирнерия к данному тексту имеет совершенно иной характер: «Поскольку ты не заплатил, твой кредитор подает петицию судье о том, чтобы его ради сохранения вещи ввели во владение ею, что судья ему и разрешает. Когда же кредитор вступал во владение, кто-то запретил ему (это делать), поэтому кредитор возбудил против него иск по факту содеянного (...) и добился, чтобы тот был присужден (к уплате) на столько, за сколько он приобрел эту вещь, и получил эту сумму. С тобой же он впоследствии тоже хотел судиться из первоначального основания, но Павел запретил ему это делать» (цит. по: Крашенинникова 1999: 310).

Очевидно, что через тысячу лет после Павла исходный текст перестал быть для европейских интеллектуалов «таблицей умножения», превратился в «высшую математику», требовавшую специальных усилий для исчерпывающего восстановления и понимания элементов исходной смысловой конструкции. Поэтому из глоссы Ирнерия видно, что его мысль сконцентрирована на том, чтобы максимально дополнить изложенную картину недостающими «сюжетными элементами», смысловыми связками, устранить ее неполноту и неопределенность, раскрыть в виде развернутой структуры отношений всех участвующих субъектов с объяснением обстоятельств возникновения спора, а также мотивов и интересов его участников.

Здесь еще нет ни развернутых схоластических классификаций по родовидовому признаку, ни теоретических обобщений, ни формулирования универсальных принципов, ни выстроенных силлогизмов, перерабатывающих исходный материал в новое знание, ни тем более построения на этом материале развернутых профессиональных юридико-догматических «учений», «доктрин» и т.п. Все это дело будущих поколений глоссаторов и особенно

постгlossаторов, которые, в отличие от Ирнерия и его предшественников, получают доступ ко всему логическому инструментарию Аристотеля и будут превращать Дигесты в непосредственный источник правового регулирования.

Глоссы Ирнерия, по которым мы можем представить методологический подход и его предшественников, носят характер лишь пояснительного «литературного переложения» римских текстов доступными средствами тривиума. Очевидно, Ирнерий подходит к текстам римского права, решая ту же задачу «истолкования темных мест», которую решали богословы в отношении Священного Писания (Абеляр 1959: 17-18), используя идентичные методы.

Поэтому следует согласиться с мнением Д.Ю. Полдникова о том, что «Ирнерий в абсолютном большинстве своих глосс разъясняет содержание фрагментов», «никаких следов логически связанной передачи собственного учения в глоссах не заметно», а «темы комментариев целиком и полностью определяются изучаемыми фрагментами античного текста». Более того, российский исследователь констатирует серьезные ошибки, неточности и неясности глосс основателя традиции европейской юридической догматики (Полдников 2000).

Однако это никоим образом не может давать оснований для упреков в адрес ранних глоссаторов и их предшественников, равно как и для обвинений их в «профнепригодности», недооценки или принижения их роли в истории становления европейской юридической традиции. Подобные оценки были бы основаны на некорректных, неисторичных критериях. Напротив, как следует из изложенного, реализованный первыми глоссаторами и их предшественниками «литературно-риторический» подход к осмыслению текстов римского права не мог быть иным, он полностью соответствовал общему уровню духовно-интеллектуальной культуры эпохи, предшествовавшей Ренессансу XII в.

«Реабилитация» греческой логики

Для того чтобы простое разъяснение текстов римского права средствами риторики, грамматики и диалектики начало перерождаться в полноценную догматическую юридическую традицию в том виде, в котором ее начали формировать глоссаторы, продолжили комментаторы и довели до предельного совершенства пандектисты, европейской правовой мысли до XII в. недоставало инструмента, который мог бы эти тексты, во-первых, «открыть», во-вторых, переработать. Таким инструментом стала логика Аристотеля.

К XI–XII вв. в интеллектуальной культуре Европы, по-прежнему находившейся под идейным контролем христианства, накопилась критическая масса проблем, решение которых требовало, прежде всего, эффективного интеллектуального инструментария. Построение единого гармоничного христианского вероучения, идейная борьба с ересями и расколами, необходимость внесения порядка в накопившийся за столетия массив актов, регулировавших внутреннюю жизнь церкви и ее отношения со светской

властью, – все это постепенно сформировало своего рода «запрос на логику», прежде изгоняемую из христианского культурного пространства. Реабилитированная Пьером Абеляром в его богословском трактате «Да и нет», яростно преследуемая вдохновителем Второго крестового похода мистиком Бернаром Клервоским, ставшая методологической основой трактата Грациана по каноническому праву «Согласование разноречивых канонов», окончательно «христианизированная» Фомой Аквинским в XIII столетии, логика на волне Ренессанса XII в. все-таки закрепилась в статусе мыслительной нормы европейской интеллектуальной культуры. «Жалкий Аристотель», благодаря переоткрытию и переводу на латынь всего объема его сохранившихся сочинений, занял подобающее ему место «учителя тех, кто знает»¹³.

Европейское правоведение обязано Аристотелю тем, что благодаря разработанной им логике, полностью освоенной к XIII в., юристы, изучающие тексты римского права, перестали быть только «карликами, сидящими на плечах гигантов». Они превратились в творцов – разработчиков построенной на римском материале системы юридических конструкций, которые до сих пор составляют основу и «канон» профессионального юридического мышления (Иеринг 2006: 28).

Вместе с тем представляется, что «реабилитацию» логики и превращение ее в норму профессионально-специализированной мысли (философской, богословской, юридической и т.п.) как фактор, обусловивший качественно новый и взрывной интерес к римскому праву в рамках Ренессанса XII в., целесообразно рассматривать в более широком контексте. На наш взгляд, сам по себе «запрос на право и логику» является следствием более глубокой первопричины – изменения образующей основания культуры системы духовных ценностей и их баланса.

Во II в. римский юрист Помпоний, современник Павла, предваряя свой очерк-хронику римской юриспруденции, включенный впоследствии в Дигесты, заметил: «Право не может сохраняться, если нет знатока права, посредством которого оно может постоянно улучшаться» (D. 1.2.2.13). Мы также знаем, что для традиции Павла и Помпония право было «искусством добра и справедливости»¹⁴, находящимся в руках людей (понтификов), которые «руководят как служением бессмертным богам, так и важнейшими государственными делами» (Цицерон 1962: 57). Равным образом мы видим, что для традиции Ирнерия право из языческой ветоши мелочных правил, посвященных, в отличие от религии, не возвышенным духовным предметам, а приземленной бренной суете, смогло подняться на один уровень с нормами религиозной этики, превратившись, как показал Г. Берман в своей работе (Берман 1998), по сути, в светскую религию и даже в корпоративное право католической церкви¹⁵.

¹³Такую оценку дал ему Данте Алигьери в своей «Божественной комедии».

¹⁴*Ius est ars boni et aequi* – известное выражение римского юриста Цельса (I–II вв.).

¹⁵Это нашло отражение в формуле *Ecclesia vivit lege Romana* («церковь живет по римским законам»).

Для традиции Павла именно мысль (*responsa prudentium* – ответы знатоков права) была источником права, находившимся в одном ряду с волей народа (законы, акты сената и пр.) и волей государственной власти (акты императоров и т.п.). Равным образом традиция Ирнерия верила в мысль Аристотеля так же, как верила в римское право и Библию (Берман 1998: 126).

Завершая наше исследование, перефразируем вопрос известного советского философа (Мамардашвили 1993: 5): где была римская юридическая мысль, когда римляне исчезли, а адресат еще не появился? И ответим следующим образом: до Ренессанса XII в. она была законсервирована в юридических текстах, которые из памятников словесности начали превращаться в систему юридических конструкций тогда, когда античная правовая мысль соприкоснулась с античной логико-философской мыслью. Соответственно, 500-летний период между Сводом Юстиниана и глоссаторами действительно можно считать эпохой «права без юристов».

Анализ контраста между этой эпохой и юридическим Ренессансом XII в. показывает, что подлинные знатоки права вновь появляются, когда европейская культура накопила в себе то же аксиологическое отношение к праву и мысли (и шире – к рациональности, знанию), которое в свое время способствовало рождению римской юриспруденции: возведение права и знания в статус высших духовных ценностей. На неразрывную связь между правом и рациональностью как высшими ценностями, конституирующими западную культуру, обращал внимание в своих исследованиях М. Вебер (Вебер 2006: 8, 14; Вебер 2018: 54-58, 141-158). Справедливость данного вывода подтверждается и «от обратного» – через обращение к отечественной традиции, в которой ни право¹⁶, ни логика Аристотеля¹⁷ такого статуса, кажется, не приобрели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абеляр П. 1959. История моих бедствий. Москва : Академия наук СССР. 257 с.
- Аверинцев С.С. 1996. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва : Языки русской культуры. С. 319-329.
- Алексеев С.С. 2000. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Москва : Статут. 256 с.
- Алексеев С.С. 2001а. Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва : Норма. 752 с.
- Алексеев С.С. 2001б. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. Москва : Норма. 176 с.
- Алексеев С.С. 2001с. Юридические конструкции – ключевое звено права // Цивилистические записки / под ред. С.С. Алексеева, Б.М. Гонгалло, Д.В. Мурзина, С.А. Степанова. Москва : Статут. С. 5-20.

¹⁶ По мнению выдающегося правоведа С.С. Алексеева (Алексеев 2010: 254).

¹⁷ По утверждению крупнейшего знатока истории культуры С.С. Аверинцева (Аверинцев 1996: 327-328).

Алексеев С.С. 2010. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Москва : Статут. Т. 5. С. 9-294.

Алкуин. 2017. Диалог мудрейшего короля Карла и Альбина, учителя, о риторике и добродетелях // Возлюблю слово как ближнего. Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III–IX вв. / под ред. М.Р. Ненароковой. Москва : Индрик. С. 543-584.

Аннерс Э. 1996. История европейского права. Москва : Наука. 397 с.

Бартошек М. 1989. Римское право. Понятия, термины, определения. Москва : Юридическая литература. 448 с.

Берман Г.Дж. 1998. Западная традиция права: эпоха формирования. Москва : Издательство МГУ : Инфра-М : Норма. 624 с.

Брук К. 1992. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья / под ред. Л. Лутковского. Киев : Путь к истине. С. 119-227.

Вебер М. 2006. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. Москва : РОССПЭН. 656 с.

Вебер М. 2018. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 3. Москва : Издательский дом ВШЭ. 336 с.

Виноградов П.Г. 2010. Римское право в Средневековой Европе // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в Средневековой Европе. Москва : Зерцало. С. 186-261.

Голубцова Е.С. (ред.) 1985. Культура Древнего Рима : в 2 т. Т. 1. Москва : Наука. 429 с.

Григорий Турский. 1987. История франков. Москва : Наука. 464 с.

Гутнова Е.В. (ред.) 1992. История Европы : в 8 т. Т. 2. Москва : Наука. 808 с.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. 1999. Основные правовые системы современности. Москва : Международные отношения. 400 с.

Дживелегов А.К. 1998. Творцы итальянского Возрождения : в 2 кн. Кн. 1. Москва : Терра-Книжный клуб. 352 с.

Жильсон Э. 2011. Дух средневековой философии. Москва : Институт теологии, философии и истории святого Фомы. 560 с.

Иеринг Р. 2006. Дух римского права // Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. Т. 2. С. 21-317.

Иероним Стридонский. 1893. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 1. Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого. 224 с.

Иоффе О.С. 2000. Цивилистическая доктрина феодализма // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Москва : Статут. С. 41-60.

Исидор Севильский. 2006. Этимологии, или Начала : в 20 кн. Кн. 1–3. Санкт-Петербург : Евразия. 352 с.

Капелла М. 2019. Бракосочетание Филологии и Меркурия. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив : Петроглиф. 400 с.

Кенигсбергер Г.Г. 2001. Средневековая Европа, 400–1500 годы. Москва : Весь мир. 384 с.

Коркунов Н.М. 1915. История философии права. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича. 502 с.

Крашенинникова Н.А. (ред.). 1999. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 2. Москва : Мысль. 829 с.

Лактанций. 2007. Божественные установления. Кн. 1–7. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. 514 с.

Ле Гофф Ж. 2008. Рождение Европы. Санкт-Петербург : Alexandria. 391 с.

Леже Р. 2009. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. Москва : Волтерс Клувер. 584 с.

Майоров Г. Г. 2009. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. Москва : Либроком. 296 с.

Мамардашвили М.К. 1993. Картезианские размышления. Москва : Прогресс : Культура. 352 с.

Марей А.В. 2012. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. № 5. С. 96-102.

Монтескье Ш.Л. 1999. О духе законов. Москва : Мысль. 674 с.

Новицкий И.Б., Перетерский И.С. 1948. Римское частное право. Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 584 с.

Полдников Д.Ю. 2000. «Критический метод» Ирнерия как вклад в возрождение изучения римского права // *Ius Antiquum*. Древнее право. № 1. С. 228-240.

Полдников Д.Ю. 2008. Договорные теории глоссаторов. Москва : Academia. 345 с.

Полдников Д.Ю. 2011. Договорные теории классического *jus commune* (XIII–XVI вв.). Москва : Academia. 526 с.

Полдников Д.Ю. 2013. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. Москва : Издательский дом ВШЭ. 368 с.

Полдников Д.Ю. 2016. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 571 с.

Попов П.С., Стяжкин Н.И. 1974. Развитие логических идей от Античности до эпохи Возрождения. Москва : Издательство Московского университета. 223 с.

Попович М.В. 1979. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев : Наукова думка. 244 с.

Преображенский В.Х. 1881. Восточные и западные школы во времена Карла Великого, их отношение между собою, к классическим и древнехристианским и постановка в них богословия. Санкт-Петербург : Типография Ф.Г. Елеонского. 468 с.

Пухта Г.Ф. 1864. История римского права. Москва : Типография А. Семена. 585 с.

Сокольский В.В. 1891. Очерк истории науки и литературы римского права в ранний период Средних веков по новейшим исследованиям // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 273 (январь). С. 273-325.

Спасский А.А. 2009. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. 288 с.

Стасюлевич М.М. (сост.) 2001. История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Полигон. 496 с.

Тертуллиан. 1994. Избранные сочинения. Москва : Прогресс. 448 с.

Тертуллиан. 2005. Апологетик. К Скапуле. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. 256 с.

Томсинов В.А. 2010. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права в Европе в Средние века» // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. Москва : Зерцало. С. 262-279.

Уколова В.И. 1989. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII в.). Москва : Наука. 317 с.

Цвайгерт К., Кетц Х. 1998. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1. Москва : Международные отношения. 480 с.

Цицерон. 1962. Речи : в 2 т. Т. 2. Москва : Наука. 452 с.

Цицерон. 1966. Диалоги: О государстве. О законах. Москва : Наука. 224 с.

- Шпенглер О. 1998. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Москва : Мысль. 606 с.
- Bellomo M. 1995. *The Common Legal Past of Europe: 1000–1800*. Washington : Catholic University of America Press. 252 p.
- Benson R.L., Constable G., Lanham C.D. (eds.) 1999. *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*. Toronto : University of Toronto Press. 737 p.
- Brundage J. 2008. *The Medieval Origins of the Legal Profession. Canonists, Civilians, and Courts*. Chicago : University of Chicago Press. 607 p.
- Gabbay D.M., Woods J. (eds.) 2008. *Handbook of the History of Logic* : in 11 volumes. Vol. 2. Oxford : Elsevier. 716 p.
- Haskins C.H. 1955. *The Renaissance of the Twelfth Century*. Harvard : Harvard University Press. 437 p.
- Kneale W., Kneale M. 1962. *The Development of Logic*. Oxford : Clarendon Press. 783 p.
- Lesaffer R. 2009. *European Legal History. A Cultural and Political Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press. 549 p.
- Novikoff A.J. (ed.) 2017. *The Twelfth-Century Renaissance: A Reader*. Toronto : University of Toronto Press. 480 p.
- Padoa-Schioppa A. 2018. *A History of Law in Europe. From the Early Middle Ages to the Twentieth Century*. Cambridge : Cambridge University Press. 808 p.
- Plessis P.J. du, Ando C., Tuori K. (eds.) 2016. *The Oxford Handbook of Roman Law and Society*. Oxford : Oxford University Press. 728 p.
- Rashdall H. 1895. *The Universities of Europe in the Middle Ages* : in 2 volumes. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press. 562 p.
- Savigny F.C. von. 1829. *The History of the Roman Law During the Middle Ages*. Vol. 1. Edinburgh : Printed for Adam Black ; London : Longman, Rees, Orme, Brown, and Green. 459 p.
- Swanson R.N. 1999. *The Twelfth-Century Renaissance*. Manchester : Manchester University Press. 256 p.

References

- Abelard P. *The History of My Calamities*, Moscow, Akademija nauk SSSR, 1959, 257 p. (In Russ.).
- Alcuin. Dialogue Between the Wisest King Karl and Albin, Teacher, on Rhetoric and Virtues, *Nenarokova M.R. (ed.) I Will Love the Word as My Neighbor: An Educational Text in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, Moscow, Indrik, 2017, pp. 543-584. (In Russ.).
- Alekseev S.S. 2010. The Holiest Thing that God Has on Earth: Immanuel Kant and Problems of Law in the Modern Age, *Alekseev S.S. Collected Works in 10 volumes*, Moscow, Statut, 2010, vol. 5, pp. 9-294. (In Russ.).
- Alekseev S.S. Juridical Constructions – Key Elements of Law, *Alekseev S.S., Gongalo B.M., Murzin D.V., Stepanov S.A. (eds.) Civilisticheskie zapiski [Civilist Notes]*, Moscow, Statut, 2001, pp. 5-20. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *Law on the Threshold of a New Millennium. Some Trends in Global Legal Development – Hope and Drama of the Modern Age*, Moscow, Statut, 2000, 256 p. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *Mystery of Law. Its Understanding, Function, and Social Value*, Moscow, Norma, 2001, 176 p. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *The Ascent to the Law. Searching and Solving*, Moscow, Norma, 2001, 752 p. (In Russ.).

- Anners E. *History of European Law*, Moscow, Nauka, 1996, 397 p. (In Russ.).
- Averintsev S.S. Christian Aristotelism as an Internal Form of the Western Tradition and Problems of the Modern Russia, *Averintsev S.S. Rhetoric and Roots of European Literature Tradition*, Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1996, pp. 319-329. (In Russ.).
- Bartošek M. *Roman Law. Concepts, Notions, and Definitions*, Moscow, Juridicheskaja literature, 1989, 448 p. (In Russ.).
- Bellomo M. *The Common Legal Past of Europe: 1000–1800*, Washington, Catholic University of America Press, 1995, 252 p.
- Benson R.L., Constable G., Lanham C.D. (eds.) *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*, Toronto, University of Toronto Press, 1999, 737 p.
- Berman H.J. *Western Legal Tradition: Age of Formation*, Moscow, Izdatel'stvo MGU, Infra-M & Norma, 1998, 624 p. (In Russ.).
- Brook Ch. The Twelfth Century Renaissance, *Lutkovsky L. (ed.) Theology in the Culture of the Middle Ages*, Kiev, Put' k istine, 1992, pp. 119-227. (In Russ.).
- Brundage J. *The Medieval Origins of the Legal Profession. Canonists, Civilians, and Courts*, Chicago, University of Chicago Press, 2008, 607 p.
- Cicero. *Dialogues: On the Commonwealth. On the Laws*, Moscow, Nauka, 1966, 224 p. (In Russ.).
- Cicero. *Speeches in 2 volumes*, vol. 2, Moscow, Nauka, 1962, 452 p. (In Russ.).
- David R., Jauffret-Spinosi C. *Main Legal Systems of Our Time*, Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999, 400 p. (In Russ.).
- Dzhivelegov A.K. *Creators of the Italian Renaissance in 2 volumes*, vol. 1, Moscow, Terra-Knizhnyj klub, 1998, 352 p. (In Russ.).
- Gabbay D.M., Woods J. (eds.) *Handbook of the History of Logic in 11 volumes*, vol. 2, Oxford, Elsevier, 2008, 716 p.
- Gilson E. *The Spirit of Mediaeval Philosophy*, Moscow, Institut teologii, filosofii i istorii svjatogo Fomy, 2011, 560 p. (In Russ.).
- Golubtsova E.S. (ed.) *The Culture of Ancient Rome in 2 volumes*, vol. 1, Moscow, Nauka, 1985, 429 p. (In Russ.).
- Gregory of Tours. *History of the Franks*, Moscow, Nauka, 1987, 464 p. (In Russ.).
- Gutnova E.V. (ed.) *History of Europe in 8 volumes*, vol. 2, Moscow, Nauka, 1992, 808 p. (In Russ.).
- Haskins C.H. *The Renaissance of the Twelfth Century*, Harvard, Harvard University Press, 1955, 437 p.
- Ioffe O.S. Civilistic Doctrine of Feudalism, *Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law*, Moscow, Statut, 2000, pp. 41-60. (In Russ.).
- Isidore of Seville. *Etymologies, or Origins in 20 books*, books 1–3, Saint Petersburg, Evrazija, 2006, 352 p. (In Russ.).
- Jerome of Stridon. *The Works of Saint Jerome, part 1*, Kiev, Tipografija G.T. Korchak-Novickogo, 1893, 224 p. (In Russ.).
- Jhering R. Spirit of Roman Law, *Jhering R. Selected Works in 2 volumes*, Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 2006, vol. 2, pp. 21-317. (In Russ.).
- Kapella M. *On the Marriage of Philology and Mercury*, Moscow & Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ & Petroglif, 2019, 400 p. (In Russ.).
- Kneale W., Kneale M. *The Development of Logic*, Oxford, Clarendon Press, 1962, 783 p.
- Koenigsberger H.G. *Medieval Europe, 400–1500*, Moscow, Ves' mir, 2001, 384 p. (In Russ.).
- Korkunov N.M. *History of Philosophy of Law*, Saint Petersburg, Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1915, 502 p. (In Russ.).

- Krashennikova N.A. (ed.) *Anthology of World Legal Thought in 5 volumes*, vol. 2, Moscow, Mysl', 1999, 829 p. (In Russ.).
- Lactantius. *The Divine Institutes*, books 1–7, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2007, 514 p. (In Russ.).
- Le Goff J. *The Birth of Europe*, Saint Petersburg, Alexandria, 2008, 391 p. (In Russ.).
- Leger R. *The Great Legal Systems of Our Time. Comparative Legal Approach*, Moscow, Volters Kluver, 2009, 584 p. (In Russ.).
- Lesaffer R. *European Legal History. A Cultural and Political Perspective*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 549 p.
- Mamardashvili M.K. *Cartesian Reflections*, Moscow, Progress & Kul'tura, 1993, 352 p. (In Russ.).
- Marey A.V. The Phenomenon of the Reception of Roman Law: Formation of Ius Commune in Western Europe from the 12th to the 14th Centuries, *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2012, no. 5, pp. 96-102. (In Russ.).
- Mayorov G.G. *Creation of Medieval Philosophy: Latin Patristics*, Moscow, Librokom, 2009, 296 p. (In Russ.).
- Montesquieu Ch.L. *The Spirit of Laws*, Moscow, Mysl', 1999, 674 p. (In Russ.).
- Novikoff A.J. (ed.) *The Twelfth-Century Renaissance: A Reader*, Toronto, University of Toronto Press, 2017, 480 p.
- Novitsky I.B., Peretersky I.S. *Roman Private Law*, Moscow, Juridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva justicii SSSR, 1948, 584 p. (In Russ.).
- Padoa-Schioppa A. *A History of Law in Europe. From the Early Middle Ages to the Twentieth Century*, Cambridge, Cambridge University Press, 2018, 808 p.
- Plessis P.J. du, Ando C., Tuori K. (eds.) *The Oxford Handbook of Roman Law and Society*, Oxford, Oxford University Press, 2016, 728 p.
- Poldnikov D.Yu. "Critical Method" of Imerius as a Contribution to the Renaissance of Roman Law Studies, *Ivs Antiquvm. Drevnee pravo* [Ivs Antiquvm. Ancient Law], 2000, no. 1, pp. 228-240. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. 2016. *The Formation of Contract Doctrine in the Legal Science of the Western Europe (12th – 16th Centuries)*: D.Sc. thesis, Moscow, 2016, 571 p. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. *Contract Theories of Classical Jus Commune (13th – 16th Centuries)*, Moscow, Academia, 2011, 526 p. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. *Glossators' Theories of Contract*, Moscow, Academia, 2008, 345 p. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. *Institute of Contract in the Legal Science of Western Europe from the 11th to the 18th Centuries*, Moscow, Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2013, 368 p. (In Russ.).
- Popov P.S., Styazhkin N.I. *The Development of Logic Ideas from Antiquity to the Renaissance*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1974, 223 p. (In Russ.).
- Popovich M.V. *An Essay on the Development of Logical Ideas in a Cultural and Historical Context*, Kiev, Naukova dumka, 1979, 244 p. (In Russ.).
- Preobrazhensky V.Kh. *The Eastern and Western Schools in the Time of Charlemagne, Their Relationship to Each Other and to Classical and Ancient Christian Schools, and the Way of Posing Theology in Them*, Saint Petersburg, Tipografija F.G. Eleonskogo, 1881, 468 p. (In Russ.).
- Puhta G.F. *The History of Roman Law*, Moscow, Tipografija A. Semena, 1864, 585 p. (In Russ.).
- Rashdall H. *The Universities of Europe in the Middle Ages in 2 volumes*, vol. 1, Oxford, Clarendon Press, 1895, 562 p.

Savigny F.C. von. *The History of the Roman Law During the Middle Ages*, vol. 1, Edinburgh, Printed for Adam Black, London, Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1829, 459 p.

Sokolsky V.V. An Essay on the History of Science and Literature of Roman Law in the Early Middle Ages Based on Recent Research, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Journal of the Ministry of Public Education], 1891, vol. 273 (January), pp. 273-325. (In Russ.).

Spassky A.A. *Lectures on the History of Western European Middle Ages*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2009, 288 p. (In Russ.).

Spengler O. *The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History*, vol. 2, Moscow, Mysl', 1998, 606 p. (In Russ.).

Stasyulevich M.M. (ed.) *A History of the Middle Ages: From the Fall of the Western Roman Empire to Charlemagne (476–768)*, Moscow, AST, Saint Petersburg, Poligon, 2001, 496 p. (In Russ.).

Swanson R.N. *The Twelfth-Century Renaissance*, Manchester, Manchester University Press, 1999, 256 p.

Tertullian. *Apologeticus. To Scapula*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2005, 256 p. (In Russ.).

Tertullian. *Selected Works*, Moscow, Progress, 1994, 448 p. (In Russ.).

Tomsinov V.A. On the Essence of the Phenomenon Called the Reception of Roman Law in Europe in the Middle Ages, *Vinogradoff P.G. The Sketch of the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe*, Moscow, Zercalo, 2010, pp. 262-279. (In Russ.).

Ukolova V.I. *The Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages (the late 5th century – the mid-7th century)*, Moscow, Nauka, 1989, 317 p. (In Russ.).

Vinogradoff P.G. Roman Law in Medieval Europe, *Vinogradoff P.G. The Sketch of the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe*, Moscow, Zercalo, 2010, pp. 186-261. (In Russ.).

Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology in 4 volumes*, vol. 3, Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018, 336 p. (In Russ.).

Weber M. *Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, Moscow, ROSSPEN, 2006, 656 p. (In Russ.).

Zweigert K., Kötz H. *Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law in 2 volumes*, vol. 1, Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 1998, 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Евгеньевич Пономарев

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0003-1989-9012;
SPIN-код: 5973-5687;
E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii E. Ponomarev

Candidate of Law, Associate Professor, Theory of State and Law Department, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0003-1989-9012;
SPIN-code: 5973-5687;
E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru